

Алексей Конкка. *Карсикко: Деревья-знаки в обрядовой практике и верованиях прибалтийско-финских народов.* Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 206 с.

Монография Алексея Конкка, известного специалиста по карельской этнографии, — это первое в отечественной и зарубежной науке и абсолютно оригинальное фундаментальное обобщение, посвященное изучению феномена «карсикко» — дерева-знака, характерного, но малоизученного явления прежде всего прибалтийско-финской культуры. Главный результат исследования — выявление территории бытования исследуемого явления в Северной Европе и соотнесение имеющихся данных с источниками по другим региональным традициям для решения вопросов происхождения и диахронической последовательности развития различных форм дерева-знака.

Ключевые слова: дерево-знак, обрядовая культура, прибалтийско-финские народы, феномен, универсалия.

Монография Алексея Петровича Конкка, известного специалиста по карельской этнографии, вышла в свет в 2013 г. и сразу стала заметным событием в том сегменте современного финно-угроведения, которое давно интегрировано в русло международных исследований мифологии народов севера Евразии. Она написана на чрезвычайно важную в академическом смысле и интересную с точки зрения широкого историко-культурного контекста тему. Это первое в отечественной и зарубежной науке и абсолютно оригинальное фундаментальное обобщение, посвященное изучению феномена «карсикко» — дерева-знака, характерного, но малоизученного, как справедливо указывает автор, явления прежде всего прибалтийско-финской культуры.

Как правило, карсикко — это хвойное дерево (сосна или ель) с определенным образом обрезанными ветвями или вершиной или же различными вырезанными в стволе знаками, от простого затеса и зарубки до антропоморфного изображения. Не случайным представляется тот факт, что автор вынес его карельское / финское наименование в название книги. Тем самым произошло абстрагирование понятия «карсикко», с одной стороны, и удержание — с другой — его

Ольга Михайловна Фишман
 Российский этнографический музей,
 Санкт-Петербург
 fishman_o_m@ethnomuseum.ru

специфических образных коннотаций, явных и неявных смыслов. Карсикко (фин. *karsikko*, кар. *karsikko / karzikko*) — отглагольное существительное от *karsia* ‘карзать, обрубить ветки’. Автор полагает, что исторически термин, вероятно, связан с основой *kar-* в значении «волосяной (растительный) покров», «мохнатый», «косматый», а также в значении чего-либо выступающего, выдающегося (ср.: *kari* ‘отмель’, ‘подводные камни’). Основа *kar-* составляет корень в словах *karva* ‘шерсть’, *karja* ‘скот’, *karhu* ‘медведь’ и пр. (ср.: *karahka* ‘молодая елка, сучок’).

Исходя из очевидного дискурса об универсальности культа растительности и идеи мирового древа, автор избрал предметом своего исследования комплекс представлений, обычаев и обрядов жизненного цикла, а также календарной и промысловой обрядности финнов, карел, саамов, эстонцев и др., в которых используется этот многозначный символ духа-охранителя (С. 5). По мнению А.П. Конка, именно «данная многоаспектность является почвой не только для углубления смысла обрядового символа в сознании, но и для расширения “сферы” его действия, когда одни и те же символы обнаруживаются в различных обрядах» (С. 6).

Цитирую далее: «Знахарские приемы лечения болезней; календарные, родильные, свадебные ритуалы; обряды при переходе в новый дом несут, казалось бы, различные функции, однако общая их мифологическая основа — переход из одного состояния в другое как самих объектов, так и окружающего их мира — порождает необходимость использования “сквозных” универсальных предметных и акциональных символов» (С. 6). К этим базовым теоретическим тезисам А.П. Конка возвращается и в заключительной части монографии «Мировой столп и календарный праздник».

Методологической основой авторского исследования послужили теоретические труды, посвященные ритуалу и семиотике культуры, известных представителей структурной лингвистики, этнологов, фольклористов, этнолингвистов и обобщающие работы по обрядности и религиозным культам финно-угорских, самодийских народов и русских (С. Вальякка, А. Вилкуна, Я. Вилкуна, П. Виртаранта, Ю. Крон, С. Паулахарью, К.Ф. Карьялайнен, Ю. Пентикяйнен, М. Сармела, А.-Л. Сиикала, У. Холмберг (Харва), М. Ювас, Е.А. Алексеенко, А.К. Байбурун, Т.А. Бернштам, Г.М. Василевич, И.Н. Гемуев, Г.Н. Грачева, С.В. Иванов, В.М. Кулемзин, Т.В. Лукьянченко, С.Ю. Неклюдов, З.П. Соколова, Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, В.Н. Чернецов и др.).

Для выявления, анализа и систематизации материала по обрядности и верованиям, связанным с использованием дерева-карсикко, определения роли дерева-знака в обряде и описания

совершаемых с ним ритуальных действий автор использовал современные теоретически обоснованные возможности соотнесения мифологических и обрядовых структур и поставил ряд задач, последовательно раскрываемых в тексте монографии. Из них выделю те, которые, на мой взгляд, делают исследование А.П. Конкка особенно актуальным и значимым не только для финно-угроведения, но и для региональной европеистики в целом. Это выявление территории бытования исследуемого явления в Северной Европе и соотнесение имеющихся данных с источниками по другим региональным традициям для решения вопросов происхождения и диахронической последовательности развития различных форм дерева-знака.

Следует особо подчеркнуть, что постановка таких масштабных задач и их решение стали возможными благодаря результатам тридцатилетней полевой работы А.П. Конкка по выявлению и фиксации карсикко от Северной Норвегии до Среднего Поволжья — всего около тысячи объектов. Их глубокое изучение осуществлялось в сопоставлении с документальными свидетельствами из многих архивов Финляндии и России. В совокупности с опубликованными работами, прежде всего финских исследователей XIX—XX вв., они составили впечатляющую базу источников, анализируемых автором в широком диахронном и этногеографическом континууме.

Хронологические рамки в основном охватывают период с середины XIX по начало XXI в.

Мировоззренческая и ритуально-мифологическая многозначность изучаемого автором феномена «карсикко» обусловила многоаспектный характер исследования, потребовала применения особой комплексной методики, сочетающей имеющиеся в арсенале современных гуманитарных исследований частные методики, адекватные поставленным цели и задачам. Это сравнительно-исторический метод, «с помощью которого раскрывается картина развития разностадийных представлений, связанных с основными ритуальными действиями использования дерева-знака». Структурно-семиотический метод, в силу относительной устойчивости во времени мифологических структур, позволил определить место и значение карсикко как мифоритуального символа в обрядности. Для интерпретации языковых данных применялись методы этнолингвистического анализа. К сожалению, А.П. Конкка ограничивается далеко не полным перечнем использованных им методик, в том числе картографирования и авторского «практического», как он называет, опыта выявления и фиксации карсикко *in situ*.

Композиционно текст книги, ее отдельные главы и разделы выстроены согласно авторской логике аналитического рассуж-

дения и комментария к многочисленным цитатам из архивных и полевых первоисточников, публикаций предшественников и современников, что позволяет поступательно подвести читателя к основным умозаключениям. Во многом такая подача материала оправдана его масштабностью и сложностью темы, отдельные аспекты которой неоднозначно интерпретируются в научной литературе. Подтверждением тому являются разделы монографии, содержащие критические анализы работ У. Холмберга [Holmberg 1924], К. Хорнборга [Hornborg 1886], М. Элиаде [Элиаде 1999] и др., помещенные в различные главы. Отмечу, что, с одной стороны, обстоятельные историографические оценки А.П. Конкка являются инструментом, методологической основой его собственного исследования. С другой — особенно касательно финских источников и обзора научной библиографии — книга Конкка делает доступными для отечественных специалистов по близкой тематике архивные данные Финляндии и публикации финских ученых и краеведов.

Подчеркну живую манеру и повествовательный язык изложения, которые можно рассматривать и как своего рода сугубо авторский литературный прием, создающий яркую, запоминающуюся панораму истории уникального и одновременно универсального древесного символа.

В первой главе «Промысловое карсикко» рассматривается один из древнейших видов дерева-знака, ранее вне пределов Финляндии практически не исследованный. В связи с этим изложение сведений и их анализ в широком этнокультурном контексте начинается с территории Северной Финляндии (самые ранние из сохранившихся в XIX в. карсикко были датированы 1763 и 1789 гг.), а затем и Карелии.

Данные автора позволяют изменить сложившиеся в научной литературе устойчивые представления о бытовании данного явления исключительно на территории Лапландии и Северной Финляндии и, более того, утверждать, что особенности использования деревьев-знаков при ловле рыбы, добыче речного жемчуга и зверя, формы их изготовления и ритуальные функции являются здесь саамским и севернокарельским культурным наследием. По ходу изложения в тексте встречается очень много интересных наблюдений и выводов, кроме того, автор приводит свои доводы по целому спектру вопросов. Так, рассматривая различные типы карсикко в виде антропоморфных столбов, А.П. Конкка предостерегает от однозначного понимания антропоморфизации изображений в деревянной скульптуре. «По нашему мнению, на первый план здесь выступает не антропоморфность, а функция знака, в котором заложены гораздо более широкие смыслы. Человекоподобное изображение

есть лишь одна из форм отражения семантики ритуального символа» (С. 32).

Раздел о промысловом карсикко в Карелии построен в основном на авторских материалах, собранных на территории расселения различных этнических групп карел — северных (Беломорская Карелия, пограничная с Северной Финляндией) и ливвиков (северная часть Олонецкой Карелии). Основываясь на анализе полевых изысканий, автор обнаруживает совмещение функций промыслового карсикко и карсикко умерших на берегах озер — при обращении к ним просьбы об охотничьей и рыболовецкой удаче. Автор приходит к важному заключению о том, что это может быть свидетельством ранних представлений о дереве как семейно-родовом духе-охранителе, имевшем множество черт, связывающих его с культом умерших.

Анализируя оберегательные функции карсикко, А.П. Конкка рассматривает ритуалы жертвования в пограничных ситуациях, нарушающих равновесие между миром природы и миром человека, например при слишком богатой добыче. Да и само «вырубание промыслового карсикко могло выступать в качестве инструмента предотвращения кризисной ситуации».

Обращаясь к темам личин на дереве и звериным затесам как символу возрождения промыслового животного, автор привлекает обширный сопоставительный материал по этнографии народов Сибири и различным версиям их интерпретаций в работах исследователей XX в. Это позволяет А.П. Конкка сформулировать собственную позицию относительно вырезанного на дереве «мужского лица» (*miehenkuva*): он полагает, что это было не изображение божества, а, скорее всего, «способ обозначения особого рода “жизненности” дерева-знака». Отмеченное личиной дерево представляло собой знак неординарной ситуации, когда происходил незапланированный, внезапный контакт между духом и человеком, между двумя отдельно существующими мирами. Функционирование же звериных затесов, вырезанных дат и имен, так называемых «медвежьих карсикко» с черепами медведей свидетельствует, по мнению исследователя, об их не только информационной, но и о мифологической функции, в чем он солидаризируется с выводами В.Н. Чернецова [Чернецов 1959: 114–156]. Безусловный интерес представляют обобщения и выводы в заключительном разделе первой главы «Дерево-посредник и космологическая функция изображений»: четкое выделение прерогативы символического содержания в посреднических функциях карсикко позволяют автору обозначить перспективу будущего их изучения в системе мифологических представлений «космос — человек».

Принципиально значимый характер имеет содержание **второй главы «Карсикко в обрядах инициации»**, в которой А.П. Конкка выявляет и мастерски анализирует все ситуации, где фигурирует дерево неопита, промысловика и рекрута, а также невесты и молодухи. Используя фундаментальные этнографические данные, автор делает вывод о том, что «изготовление карсикко обычно знаменовало окончание обрядов инициации, было их материальной манифестацией». Предпринятое картографирование двух различных понятий, обозначающих иницируемого в Финляндии и у финского населения северо-восточной Швеции: «хуррикас» (*hurrikas*) на севере и *karsikko* на юге, а также их этнолингвистический и семантический анализ позволили, во-первых, существенно уточнить и дополнить карты первого и второго томов «Атласа традиционной культуры Финляндии» [Suomen kansankulttuurin kartasto 1976; Sarmela 1994; Конкка 1999: 112–139], а во-вторых, установить совмещенные и преобладающие функции различных ритуалов перехода (от смены социального статуса до перехода в чужой мир, включая мистическое и реальное инобытие).

Полевые материалы 1930-х гг. М. Ювас из Архива Финского литературного общества, одновременные публикации У. Холмберга о так называемых свадебных карсикко в совокупности с авторскими материалами расширяют знания о географии распространения обряда вырубания дерева от Ботнического залива на западе Северной Европы до среднего течения р. Мезень Архангельской области и р. Удора и Вашка Республики Коми (раздел «Свадебное карсикко»). Выявленные соответствия в обрядах и представлениях «вплоть до деталей» о назначении дерева молодухи у финнов, карел, коми-ижемцев А.П. Конкка склонен объяснить ранней историей этой обширной территории, северо-восточные окраины которой представляли собой контактную зону карело-весьских и коми племен. Автор следует здесь за выводами известных исследователей коми Л.П. Лашука и В.И. Лыткина, но в тексте монографии они не развернуты и обозначены весьма «пунктирно». А.П. Конкка обращает внимание на обычай вырубания дерева около дома молодых или вне поселения, на землях рода мужа, как своего рода обряд, завершающий свадебный ритуал, целью которого является приобщение молодухи к новым родовым и домашним духам или же защита при освоении чужого пространства. В контексте этой темы автор считает важным (и не без оснований) сопоставить и кратко описать различные типы финских и карельских свадебных деревьев с известной в среднерусской зоне красотой-елкой, специально украшенной к свадьбе и используемой в ходе ряда ритуальных действий. В свадебных причитаниях русских и тверских карел красота

в виде елки, а также повязки и ленты являлись материализованными символами девичьей воли и девичества как такового.

Главу «Карсикко в обрядах инициации» А.П. Конкка счел необходимым завершить кратким разделом «Мирча Элиаде и его теория обряда инициации», опираясь на международный материал о функции дерева в обрядах посвящения, изложенный в книге «Тайные общества. Обряды инициации и посвящения». Цель привлечения аналогий, как пишет автор, — для «подтверждения достоверности прибалтийско-финских мифологических представлений, смысла ритуалов». Однако он ограничивается рассуждениями относительно лишь одного из обрядов посвящения — подъемом иницируемого на дерево, «широко распространенным на разных континентах».

Наиболее убедительны выводы второй главы о связи карсикко неофита с промысловым карсикко, а также дерева-знака новобранца и умершего. Вместе с тем при описании и сопоставлении мифоритуальных функций карсикко в обрядах перехода и промыслового карсикко на поздних материалах XX в. автор не учитывает, что в это время данные ритуалы представляли собой прежде всего устойчивую соционормативную практику.

В третьей главе монографии «**Карсикко умершего**» мифологические функции, обеспечивающие разграничение и общение мира живых и мертвых, иллюстрируются на примерах «крестовых деревьев», так называемых «досок карсикко», прибываемых к дереву по пути к кладбищу, антропоморфных изображений и других знаков на деревьях и надгробных сооружениях, а также кладбищенских рощ с карсикко. Ареалы их бытования и функции в погребальной обрядности, как показывает исследование, различались у отдельных этнолокальных групп финнов и карел.

На основании собранного материала А.П. Конкка формирует собственную позицию по отношению к генезису карсикко умершего, который был предложен К. Хорнборгом еще в 1886 г. Он свидетельствует, что карсикко «генетически связан[ы] как с почитаемыми рощами, так и с жертвоприношениями», были «инструментом освоения окружающего мира, структурировали его, обозначая материальные и мифологические границы. Сама эта структура создавала условия для включения в нее карсикко умершего» (С. 146–147).

Существенным вкладом в изучение феномена стало открытие автором в результате исследования 210 кладбищ Европейского Севера того неизвестного ранее факта, что на территории хвойных лесов от Финнмаркена в Норвегии и Северной Финляндии до Среднего Поволжья кладбища являются настоящими рощами карсикко.

В числе важных выводов третьей главы назову следующие. 1. «Наличие карсикко как на православных (в Карелии), так и на севернофинских лютеранских кладбищах доказывает то, что современная конфессиональная принадлежность населения не имеет значения; феномен карсикко гораздо древнее распространения лютеранства в Финляндии (XVI в.) и православия среди карел (XIII в.)». 2. «Карсикко на кладбищах в Северной Финляндии, судя по всему, связано с влиянием карельского населения, которое осваивало эту территорию вслед за саамами» (С. 158).

Немало аргументов приводится для доказательства связи карсикко «с некой эманацией души человека. Карсикко выступало как в роли оберега, так и, одновременно, в роли новой сущности человека, находящегося в кризисной ситуации на промысле, в чужой местности, в момент смены статуса, будь то инициация или свадебный обряд» (С. 175). Оправданными представляются и авторские аналогии одной из функций карсикко умершего с предметными «заместителями умершего» у сибирских народов.

Заключительная глава монографии «**Мировой столп и календарный праздник**» имеет пояснительный подзаголовок «вместо послесловия». Читатель найдет в ней краткие обобщения о функции дерева в циклах календарной обрядности: Рождество, Пасха, Масленица, Первомай (майское дерево), Иванов день. Напомним, что календарные обряды карел неоднократно и со знанием дела анализируются А.П. Конкка во многих публикациях.

Основной тезис сформулирован исходя из понимания роли карсикко в обрядности (которое явствует из всего предшествующего текста) как «ипостаси мирового дерева с функциями оберега и медиатора между мирами», маркирующего сакральные границы.

Важным дополнением к тексту следует признать терминологический словарь, включающий финские, карельские, эстонские и русские понятия, а также 78 иллюстраций: карты, фотографии, рисунки, выявленные в различных публикациях и авторские.

Необходимо признать, что, как и всякая большая новаторская работа, преследующая конкретные цели и задачи, монография А.П. Конкка не лишена отдельных недочетов, на некоторые из которых указывалось выше. Здесь же сосредоточу внимание на замечаниях к инструментальной базе исследования и на ряде более частных вопросов.

Из текста монографии неясно, что представляет собой созданная автором «специальная методика сбора материала и фикса-

ции деревьев-знаков», помимо выявления их на местности и собственно фотофиксации. Скорее всего, подразумевается, что автор осуществлял так называемое натурно-топографическое обследование. Быть может, картографирование микропонимов, промысловых угодий, кладбищ, отдельных сакральных объектов с перепроверкой при этом устных и документальных свидетельств? Остается под вопросом, использовались ли автором методы дендрохронологии для датировки как отдельных деревьев, так и кладбищ-рощ.

Перечисляя используемые методики, А.П. Конкка называет этнолингвистические, но не уточняет, какие именно. Методы ареальной этнолингвистики, применяемые для установления этногенетических истоков изучаемых феноменов (А.С. Герд), или сформулированные Н.И. Толстым относительно анализа лексики для обнаружения и реконструкции архаичной картины мира? Далее, называя одной из главных задач своей работы «выявление корпуса разноэтничной терминологии, связанной с деревьями-знаками в Северной Европе», автор не указывает преследуемой при этом цели. Для него цель как бы самоочевидна. Но это, пожалуй, очевидно лишь из текста самой монографии. Так, оперируя этнолингвистическим материалом, автор обнаруживает различные типы промысловых карсикко, их совмещенные и смещенные функции, картографирует их (Приложение).

Мне представляется, что новый ракурс исследованию, учитывая обширный этнолингвистический материал автора, может дать применение лингвокультурологической гипотезы Сепира-Уорфа о «картине мира», которая в отличие от мировоззрения представляет собой совокупность мировоззренческих знаний о мире и порождена потребностью человека в наглядном представлении. Недаром выделяют различные картины мира: этническую, духовно-культурную, языковую, чувственно-пространственную и др.

Вызывает вопросы и отсутствие в монографии, посвященной изучению прибалтийско-финской традиции, сведений о карсикко у ижоры и води, а также ссылок на последние публикации о культе растительности у эстонцев, латышей и литовцев. И это при том, что, устанавливая западную границу дерева-знака, А.П. Конкка называет Северную и Среднюю Литву.

Не всегда оправданным и избыточным, на мой взгляд, выглядит цитирование больших объемов текстов по сибирским материалам. Хотя автор утверждает, что «будучи стадильно более ранним, он [сибирский материал] служит инструментом для проверки некоторых теоретических посылов данного исследования».

Главными же результатами предпринятого А.П. Конкка сравнительно-исторического исследования, повторюсь, можно считать расширение территории бытования феномена дерева-знака от Северной Швеции и Норвегии до Уральских гор (лесотаежная зона Евразии) и убедительный тезис об этногенетическом восхождении этого феномена к культуре финно-угорских сообществ лесных охотников и рыболовов.

Осуществленное исследование дает право утверждать, что тема имеет основательные перспективы для дальнейшего изучения раннеисторических представлений о природном мире у прибалтийско-финского и, шире, финно-угорского населения, а также, что особенно ценно, вопросов этногенеза и этнической истории («учитывая широкое распространение явления в циркумполярной и лесной зоне Евразии»).

Работу А.П. Конкка следует оценивать и с позиции углубления знаний о традиционном мировоззрении карел, достижений в области реконструкции мифологической картины мира и феноменальной сущности их культуры, сильно деформированной, а то и утратившей своеобразие, как принято считать, под влиянием русской традиции и христианства. Индивидуальный облик карельской культуры был бы неполным без предпринятого исследования, которое вслед за опубликованными в 1970–1980-е гг. работами замечательного петрозаводского этнографа Ю.Ю. Сурхаско [Сурхаско 1977; 1985] буквально открыли для российских специалистов специфические образы карельской культуры в их исторической трансформации. Обнаружение таковых требует не только серьезного профессионального анализа разнохарактерного и разновременного объемного корпуса свидетельств, но и его интуитивного осмысления.

Широта ритуально-символической парадигмы карсикко позволила А.П. Конкка сформулировать новые малоработанные, но многообещающие для будущих исследований темы: 1) информативная роль карсикко (карсикко как средство передачи информации и его роль в истории как инструмента примитивного письма); 2) отношение карсикко к жертвенным и так называемым священным деревьям и рощам, обетным и надгробным крестам, часовням и пр.; 3) когнитивная функция карсикко по упорядочиванию и доместикации пространства.

Хочется надеяться, что многое удастся выполнить и самому Алексею Петровичу, удачно сочетающему знания полевого этнографа, фольклориста и лингвиста. Его упорные и многолетние разыскания карсикко уже стимулировали к работе целый ряд последователей.

Библиография

- Сурхаско Ю.Ю. Карельская свадебная обрядность (конец XIX — начало XX в.). Л.: Наука, 1977. 237 с.
- Сурхаско Ю.Ю. Семейные обряды и верования карел, конец XIX — начало XX в. Л.: Наука, 1985. 172 с.
- Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М.: АН СССР, 1959. (Труды Института этнографии. Т. 51). С. 114–156.
- Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 356 с.
- Holmberg U. Suomalaisten karsikoista // Kalevalaseuran vuosikirja. Helsinki: SKS, 1924. Osa 4. S. 7–82.
- Hornborg K.H. Karsikko // Virittäjä (Helsinki). 1886. S. 93–97.
- Konkka A. Kuusi kultalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista // Kalevalaseuran Vuosikirja. Helsinki: SKS, 1999. No. 77–78. S. 112–139.
- Sarmela M. Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurinkartasto kartasto 2 / Atlas of Finnish Ethnic Culture 2: Folklore. Helsinki: SKS, 1994. 259 s.
- Suomen kansankulttuurin kartasto 1: Aineellinen kulttuuri / T. Vuorela (toim.). Helsinki: SKS, 1976. 151 s.

Ольга Фишман

Review of Aleksey Konkka, *Karsikko: Derevyia-znaki v obryadovoy praktike i verovaniyakh pribaltiysko-finskikh narodov* [Karsikko: “Tree-Signs” in Ritual Practice and Faith of the Baltic Finns]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2013, 206 pp.

Olga Fishman

Russian Museum of Ethnography
Inzhenernaya st. 4/1, St Petersburg, Russia
fishman_o_m@ethnomuseum.ru

This review examines the monograph of renowned specialist in Karelian ethnography, Alexei Konkka, published in 2013. The work is dedicated to a subject extremely important in respect to academic research and very interesting from a broader historical and cultural perspective. It is the first completely original ethnological research work on *karsikko* or “tree-sign”, which is a distinctive phenomenon of Baltic Finnish culture, but nevertheless, rarely studied. Based on the evident universality of the plants’ cult and the World tree motif, the author chose to research the complex of beliefs, customs, and life circle rituals, as well as calendar, hunting and fishing rites, of Finns, Karelians, Saami, Estonians, etc., in which this polysemantic symbol of the spirit-protector figures.

The author bases his book on over thirty years of fieldwork finding and describing the *karsikko in situ* from northern Norway to the Middle Volga region (in total about 1000 objects), compiling an impressive corpus of archival documentation from Russia and Finland, and research in both languages.

The main result of his work is defining the territory of Northern Europe where the phenomenon in question existed. He also compares available data with sources on other regional traditions to clarify issues of origin and diachronic evolution of various forms of the “tree-sign”.

In spite of inexactitudes found in his research methodology, importance of A. Konkka’s work is evident, not only for current Finno-Ugric studies, but also for European regional studies in general, mainly in those areas which have long been integrated in the international research of mythology of the Northern Eurasia.

Keywords: tree-sign, ritual culture, Baltic Finns, phenomenon, universality.

References

- Chernezov V. N., ‘Predstavleniya o dushe u obskikh ugrov’ [Notions about the Soul among Ob-Ugrian Peoples], *Issledovaniya i materialy po voprosam pervobytnykh religioznykh verovaniy* [Studies and Materials on the Problems of Primitive Religious Beliefs]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishers, 1959, (Trudy instituta etnografii [Proceedings of the Institute of Ethnography], vol. 51), pp. 114–156. (In Russian).
- Eliade M., *Initiation, rites, sociétés secrètes. Naissances mystiques: Essai sur quelques types d’initiation*. Paris: Gallimard, 1992, 288 pp.
- Holmberg U., ‘Suomalaisten karsikoista’, *Kalevalaseuran vuosikirja*, 1924, Helsinki: SKS Publishers, osa 4, ss. 7–82.
- Hornborg K. H., ‘Karsikko’, *Virittäjä* (Helsinki), 1886, ss. 93–97.
- Konkka A., ‘Kuusi kulturalatva. Pohjoisen Suomen karsikoista’, *Kalevalaseuran Vuosikirja*, 1999, Helsinki: SKS Publishers, no. 77–78, ss. 112–139.
- Sarmela M., *Suomen perinneatlas. Suomen kansankulttuurinkartasto kartasto 2 / Atlas of Finnish Ethnic Culture 2: Folklore*. Helsinki: SKS Publishers, 1994, 259 ss.
- Suomen kansankulttuurin kartasto 1: Aineellinen kulttuuri* / T. Vuorela (toim.). Helsinki: SKS Publishers, 1976, 151 ss.
- Surhasko J. J., *Karelskaya svadebnaya obryadnost (konets XIX — nachalo XX v.)* [Karelian Wedding Rites (Late 19th — Early 20th Century)]. Leningrad: Nauka, 1977, 237 pp. (In Russian).
- Surhasko J. J., *Semeynye obryady i verovaniya karel, konets XIX — nachalo XX v.* [Karelian Family Rituals and Beliefs, Late 19th — Early 20th Century]. Leningrad: Nauka, 1985, 172 pp. (In Russian).